

Лауреат Международного литературного конкурса "Согласование времен" ([2009-й год, 2 место](#)).

Живет в Нижнем Новгороде (Россия).

НА АРФАХ И НАБЛАХ

«Золото не имеет цвета, хотя и имеет тон».

о. Павел Флоренский, «Иконостас»

Обритая Саломея

...да, ты моя сестра,
сестра сеченная.
Лицо — колодца дыра,
яблоко печеное.
Плюнь в грязное блюдо судного дня.
Конвоем битая,
как в зеркало, глядишь в меня,
Саломея обритая.

Ты, златовласая сестра, наотмашь битая конвоем.
Лицо — колодец и дыра, лишь хрипом заткнутая, воем.

Кого убила? На пирог кровь пролилась — на сахар снега.
Мы все убийцы. Видит Бог все швы изнанки человека.

Пустое логово суда отгрохотало погремушкой.
Присяжных сытый смех. Сюда лицо поворачи, подружка.

Щербинка заячья зубов. Яйцо обритого затылка.
Халат — на голую любовь. В кармане голый кус обмылка.

Сверкают золотом виски. В улыбке скулы выпирают.
И золотятся кулаки, пока надежда умирает.

Ты в зеркало — в меня — глядишь! И ты — мне зеркало: до гроба.
Слой серебра. Ты, вошь и мышь, на лике зри всю ночь утробы.

Измятей черного белья. Сугробней волчьего предместья.
Смольней смолы. Да, это я - меня, как зеркало, повесьте

В копченом пиршестве. На дне
чертога в масле и вине.
На досках, в полоумной тьме
Левиафанова барака.
И в нем свое лицо в огне
и пламени — узришь, собака.

Увидишь, волк. Узнаешь, лис. Покроешься проказой дрожи.

Меня ты засудил? Молись.
Лепи губами: святой, Боже.

Эммаус

Мы варили уху
В котле
Без берегов:
Щука старая без зубов,
Линь золотой да молодой,
Стерлядь приبلудная — хвост трубой.
Пар над варевом вился, рыл
Тьму избы — белизною крыл.
Петр курил — табак-лебеда;
В кольца вилась его борода,
Серебряная, как водка-ртуть.
Фома голову кинул на грудь,
Думая — про бедняков и царей —
Думу, угрюмее жизни всей.
А сумасшедший рыбак Андрей
Пялился, рожи в зеркальный обломок
Корчил, брыкался, как из постромок

Бьющая — лошадь — копытом — в наст:
«Один... из ва-ас!.. Меня!.. предаст...»

Я ложкой ушицу в котле мешал.
Волосья мужицкие, вроде мочал,
Я созерцал. Тройная уха...
К стопочке, Господи... без греха!..
«Иван, а Иван! Пошто так румян!
О девке думаешь?!.. не скроешь обман!..»
«Рыбу-то всю нам... эх, переварил!
Ликом собачен, да взором мил!..
Кончай ополовником булькать жир...
Вкусим от щедрот, пока Бог к нам щир!..»

Голоса, гудящие голоса...
Над теменем — на доске — туеса...
Надо лбом — на потолке — алая полоса...

Кто бормотал про Бога?.. Андрей,
Бесноватый, рыбацкий, злой иерей?!
Глянь — у дверей:
У притолоки — стоит
И то ли смеется, то ль плачет навзрыд
Мужик. Весь в мышинной поскони глухой.
А в бороденке — шершень сухой.

ГОСПОДИ, ТЫ ЛЬ?
Я — В НОЧИ.
СТАРЫЙ КОВЫЛЬ
ИЗ СНЕГА ТОРЧИТ.

ГОСПОДИ, МЫ ЛЬ?!
СИРОТЫ ОДНЕ.
СИЛЬНЕЙ В БАНЕ МЫЛЬ
СПИНУ ГРЯЗНУЮ МНЕ.

И выловил я линия черпаком
И брякнул не в миску — на доски стола!
На, Господи! Ты ж мастаком
Был — рыбе обглаживать удила!
Мясо подводных царей — обонять...
Хребет да хорду кидать котам...
Господи, а тяжело умирать,
Скажи?! А как там за гробом... ТАМ?..

Он шагнул ближе. «Сойти с ума», -

Закрестился Петр, и хриплый бас
Исторг из себя почернелый Фома:
«А меда сотового нету у нас», -
И заплакал. Слезы искрили в бороде,
Как бисер девкин, что на грудях
Рубах вышивают. «Где жив Ты?! Где?!»
«НИГДЕ», - порхнул, как из печки прах.

Еще ближе Он ступил к столу.
Я, как во сне, глаза уставив в глаза
Его, вытянул стерлядь-иглу
С глазом мертвым, как бирюза.
«О, благородная рыба, люблю...
Теперь вы Меня кормите — не Я вас...»
И я, шатаюсь, как во хмелю,
Вычерпнул щучьей икры топаз.

Рыбалка, рыбалка, да чернь-изба!
Да запах волчьей шкуры от дров!
Из миски глядела щука, слепа,
На Переступившего смертный ров!
Глядели все мы — отнялись языки -
Во-сколько-там пар помешанных глаз -
На Того, чьи летели стопы, легки,
А улыбка — в небеса узкий лаз,
А рука... воздетые пять свечей
Над черепом — полным ухи чугуном
Сожженным... «ЕСМЬ НИГДЕ И НИЧЕЙ», -
Повторил еще, как плеснул вином.

И глаз лишь с меня Он не сводил.
И я далеко зашвырнул черпак.
И Он шепнул: «Что ты видел?.. кадил
Ладаном рыбам, Иван ты дурак?!..»
Я чуял — щеки жжет изнутри
Львиной казнью — пещерным огнем.
И я зажмурился. НЕ СМОТРИ.
Ты ж видишь — в избе ярко, как днем.
Жестокий свет! Непомерный свет!
Не для очей, не разума для...

Он бросил Петру с табаком кисет,
А мне: «ИВАН ГЛЯДИ СМЕРТИ НЕТ
ИДЕМ СО МНОЙ ВЕЛИКА ЗЕМЛЯ»

И улыбнулся — беспомощно так,

Глазного зуба вместо — дыра...
И поднял с полу сосновый черпак.
И вышептал: «Я не смогу... до утра...»

И пятился — колкой поземкой — к двери -
Свистел — сходил на нет — исчезал —
Светился — меж ребер — во тьме — изнутри -
Словом — что не успел — не сказал -
И я за Ним шел; как тяжело больной,
Как старец — в последнем — с одра — бреду...

«НЕ ПЛАЧЬ ИВАН ТЫ И ТАК СО МНОЙ
И Я ОТ ТЕБЯ НИКУДА НЕ УЙДУ»

И дверь распахнулась во згу — стук! -
Будто мордою волк толкнул,
И не расцепляли сцепленных рук
Мужики, над избою заслышав гул;
И звезд рисунок по дегтю играл
То щуклой, то стерлядьё, то линем...

И я вдруг вспомнил, как Он умирал.
И рот заткнул себе рукавом.

Вирсавия и Давид

Я, в свою драненькую шубейку запахнувшись, брела.
Вдруг потекла ручьем жалейка, дудка, - из-за угла.
Из витража, разбитого ветром, - голову — задери!..
В дегте полночи вспыхнули веки, зрячие, изнутри...
Нет, это арфа... Нет, это набла... Систры, кимвал, тимпан...
Снег раздувал мощные жабры, пил жадный голос, пьян.
Я, как вкопанная, застыла. Сердца опал горит.
Бьется вдоль тела - саблейю — жила: это же царь Давид.
Это песня его — лучами, в чревный мешок — копьем.
Это голос его ночами плакал со мной вдвоем.
Это — на ощупь, по льду и снегу, когтем ржу просверлив,
Бог процарапал меня — к Человеку: к Голосу: жарок, жив.
Башней дрожала под снежной шкурой. Красная капля ползла
По скуле. Уткой-подранком, дурой летела в бельмо стекла.
Царь мой, нет у меня водоема, нет бездонных зеркал,
Чтоб, близ влажного окоема, палец письмо ласкал!
Чтоб, иероглифы разбирая свитка, где все: «ЛЮБИ» -
Песню твою над воротами Рая слыша, как глас трубы,
Видя, как лик Луны лимонный — нож метели, взрезай! -
Вся дрожала, как лист спаленный, билась, как песий лай!

Царь мой Давид, я сподобилась чуда! - песню твою слышать.
Средь остуды, гуда и блуда — нотой сиять, клокотать
В горле твоём, над арфою бедной, где перекрестка крик -
Стать лишь струною скрученной, медной в пальцах твоих, мужик!
И зазвучать, как не звучали волны со дна времен,
Как на снегу-молоке пылали все кумачи похорон,
Как не вопил младенец, рожденный от голубя — в белый свет,
Как не дышали рты всех влюбленных в морозный узор планет!
И под окном, где стекло разбито, пей, Вирсавья, до дна
Песню живую царя Давида, пьяную без вина;
Радугу дикую слез раскосых, жилистых струн разлет...

Гей, арапчонок!.. - метельные косы
Кинет мне на спину, высверкнет косо
Белками; обяжет жемчужным просом,
В смертный жгут заплетет.
И при великом честном народе, что лжет, гогочет и ржет -
Пусть кольцо твое «ВСЕ ПРОХОДИТЬ» в белом костре сожжет.

Страницы автора в Сети:

[45 параллель](#)
[Журнальный зал](#)
[Стихи.Ру](#)